

Слово о полку Игореве

Слово о походе Игоря, сына Святослава, внука Олегова

Ритмический перевод Д. С. Лихачева

Не пристало ли нам, братья,
начать старыми словами
печальные повести о походе Игоря,
Игоря Святославича?
Начать эту песнь надо,
следуя былям сего времени,
а не по замыслению Бояна.
Ибо Боян, вещий,
если кому хотел песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу,
серым волком по земле,
сизым орлом под облаками.
Вспоминал он, как говорил,
первых времен усобицы.
Тогда напускал десять соколов на стадо лебедей:
который догонял какую,
та первой и пела песнь —
старому Ярославу,
храброму Мстиславу,
что зарезал Редедю пред полками касожскими,
красному Роману Святославичу.

То Боян же, братья, не десять соколов
на стадо лебедей пускал,
но свои вещие персты
на живые струны воскладал;
они же сами князьям славу рокотали.

Начнем же, братья, повесть эту
от старого Владимира до нынешнего Игоря,
который препоясал ум крепостью своею
и поострил сердце свое мужеством;
исполнившись ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую
за землю Русскую.

Тогда Игорь взглянул
на светлое солнце
и увидел воинов своих,
тьмою от него прикрытых.
И сказал Игорь князь
дружине своей:
«О дружина моя
и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть;
так уж сядем, братья,
на борзых коней,
да посмотрим хоть
на синий Дон».
Ум склонился князя
перед желанием,
и охота отведать Дон великий
заслонила ему знамение.

«Хочу, — сказал, — копьё преломить
в начале поля Половецкого;
с вами, русичи, хочу либо голову свою сложить,
либо шлемом испить из Дону».

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы те воспел,
скача, соловей, по воображаемому дереву,
летая умом под облаками,
свивая славу обеих половин сего времени,
рыща по тропе Трояна
через поля на горы.

Пришлось бы внуку того
воспеть песнь Игорю:
«Не буря соколов занесла
через поля широкие, —
стаи галок бегут
к Дону великому».
Или так бы начать петь,
о волшебник Боян,
внук Велеса:
«Кони ржут за Сулой —
звенит слава в Киеве;
трубы трубят в Новгороде —
стоят стяги в Путивле».

Игорь ждет милого брата Всеволода.
И сказал ему буй-гур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый —
ты, Игорь!»

Оба мы — Святославичи.
Седлай же, брат мой,
 своих борзых коней,
а мои-то готовы,
 оседланы у Курска еще раньше.
А мои-то куряне — известные воины:
 под трубами повиты,
 под шлемами взлелеяны,
 концом копья вскормлены,
 пути им ведомы,
 овраги им знакомы,
 луки у них натянуты,
 колчаны отворены,
 сабли изострены;
сами скачут, как серые волки в поле,
ища себе чести, а князю — славы».

Тогда вступил Игорь князь в золотое стремя
и поехал по чистому полю.
Солнце ему тьмою путь заграждало;
ночь, стонуши ему грозою, птиц пробудила;
свист звериный встал,
взбился див —
кличет на вершине дерева,
велит прислушаться — земле неизвестной,
 Волге,
 и Поморью,
 и Посулью,
 и Сурожу,
 и Корсуню,
и тебе, Тмутороканский идол!

И половцы непроложенными дорогами
побежали к Дону великому;
кричат телеги их в полночи,
словно лебеди распущенные.

А Игорь к Дону воинов ведет!

Ведь уже несчастий его подстерегают птицы
по дубам;
волки грозу поднимают
по оврагам;
орлы клетком на кости зверей зовут;
лисицы брешут на красные щиты.

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Долго ночь меркнет.
Заря свет уронила,
мгла поля покрыла.
Щекот соловьиный уснул,
говор галок пробудился.
Русские сыны великие поля красными щитами
перегородили,
ища себе чести, а князю славы.

Спозаранок в пятницу
потоптали они поганые полки половецкие
и, рассыпавшись стрелами по полю,
помчали красных девушек половецких,
а с ними золото,
и паволоки,
и дорогие оксамиты.
Покрывалами,

и плащами,
и кожухами
стали мосты мостить по болотам
и по топким местам,
и всякими драгоценностями половецкими.
Красный стяг,
белая хоругвь,
красная челка,
серебряное древко —
храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо.
Далеко залетело!
Не было оно в обиду порождено
ни соколу,
ни кречету,
ни тебе, черный ворон,
поганый половец!
Гзак бежит серым волком,
а Кончак путь ему указывает к Дону великому.

На другой день совсем рано
кровавые зори свет возвещают;
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть четыре солнца,
а в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Пойти дождю стрелами с Дона великого!
Тут копьям изломиться,
тут саблям побиться
о шлемы половецкие
на реке на Каяле,
у Дона великого!

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря
стрелами

на храбрые полки Игоря.

Земля гудит,

реки мутно текут,

пыль поля покрывает,

стяги говорят:

половцы идут от Дона,

и от моря,

и со всех сторон русские полки обступили.

Дети бесовы кликом поля перегородили,

а храбрые русские перегородили красными
щитами.

Ярый тур Всеволод!

Стоишь ты в самом бою,

прыщешь на воинов стрелами,

гремишь о шлемы мечами булатными!

Куда ты, тур, поскочишь,

своим золотым шлемом посвечивая,

там лежат поганые головы половецкие.

Рассечены саблями калеными шлемы аварские

тобою, ярый тур Всеволод!

Какая из ран дорога, братья, тому, кто забыл
честь и богатство

и города Чернигова отцов золотой стол,

и своей милой желанной, прекрасной Глебовны,
свычай и обычай?

Были века Трояна,
минули годы Ярославовы,
были походы Олеговы,
Олега Святославича.

Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
и стрелы по земле сеял.

Ступает в золотое стремя в городе Тмуторокане,
тот же звон уже слышал давний великий Ярослав,
а сын Всеволода Владимир
каждое утро уши закладывал в Чернигове.

Бориса же Вячеславича
похвальба на суд привела
и на Канину зеленую паполому постлала
за обиду Олегову,
храброму и молодому князю.

С той же Каялы Святополк повелел отца своего
привезти

между венгерскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда, при Олеге Гориславиче,
засевалось и прорастало усобицами,
погибало достояние Дажьбожьего внука;
в княжеских крамолах сокращались жизни
людские.

Тогда по Русской земле редко пахари
покрикивали,

но часто вороны граяли,

трупы между собой деля,

а галки свою речь говорили,

собираясь полететь на добычу.

То было в те рати и в те походы,
а такой рати не слыхано!
С раннего утра до вечера,
с вечера до рассвета
летят стрелы каленые,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыта булатные
в поле不知емом,
среди земли Половецкой.
Черная земля под копытами косями была
засеяна,
а кровью полита:
горем взошли они по Русской земле.

Что мне шумит,
что мне звенит —
издалека рано до зари?
Игорь полки возвращает,
ибо жаль ему милого брата Всеволода.
Билися день,
билися другой;
на третий день к полудню пали стяги Игоревы.
Тут два брата разлучились на берегу быстрой Каялы,
тут кровавого вина недостало,
тут пир окончили храбрые русские:
сватов напоили, а сами полегли
за землю Русскую.
Никнет трава от жалости,
а дерево с тоской к земле преклонилось.

Уже, ведь, братья, невеселое время настало,
уже пустыня войско прикрыла.
Встала обида в войсках Дажьбожьа внука,

вступила девою на землю Трояню,
всплескала лебедиными крылами
на синем море у Дона;
плеская, прогнала времена обилия.
Борьба князей против поганых прекратилась,
ибо сказал брат брату:

«Это мое и то мое же».

И стали князья про малое
«это великое» говорить,
и сами на себя крамолу ковать.
А поганые со всех стран приходили с победами
на землю Русскую.

О, далеко залетел сокол, птиц избивая, —
к морю!

Игорева храброго полка не воскресить!
По нем кликнули Карна и Желя,
поскакали по Русской земле,
размыкивая огонь в пламенном роге.
Жены русские восплакались, приговаривая:
«Уже нам своих милых, любимых
ни мыслию не смыслить,
ни думою не сдумать,
ни глазами не повидать,
а золота и серебра совсем не подержать».

И застонал, братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.
Тоска разлилась по Русской земле;
печаль обильная пошла посреди земли Русской.
А князи сами на себя крамолу ковали,
а поганые,

с победами нарыскивая на Русскую
землю,
сами брали дань по белке от двора.

Ибо те два храбрых Святославича,
Игорь и Всеволод,
уже коварство пробудили раздором,
а его усыпил было отец их —
Святослав грозный великий киевский
грозою:
прибил своими сильными полками
и булатными мечами,
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и овраги,
взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.
А поганого Кобяка от лукоморья,
из железных великих полков половецких,
как вихрь, исторг:
и упал Кобяк в городе Киеве
в Святославовой гриднице.
Тут-то немцы и венецианцы,
тут-то греки и чехи
поют славу Святославу,
укоряют князя Игоря,
потопившего богатство на дне Каялы реки
половецкой, —
насыпавшего русского золота.
Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого
в седло рабское.
Приуныли у городов забралы,
а веселие поникло.

А Святослав мутный сон видел
в Киеве на горах.
«Этой ночью с вечера одевают меня, — говорит, —
черным покрывалом
на кровати тисовой;
черпают мне синее вино,
с горем смешанное;
сыпят мне пустыми колчанами поганых
иноземцев
крупный жемчуг на грудь
и нежат меня.
Уже доски без князька
в моем тереме златоверхом.
Всю ночь с вечера
серые вороны граяли у Плесеньска,
в предградье стоял киевский лес,
и понеслись [они — вороны] к синему морю».

И сказали бояре князю:
«Уже, князь, горе ум полонило;
ведь вот, два сокола слетели
с отчего престола золотого
добыть города Тмутороканя
или испить шлемом из Дона.
Уже соколам крыльца подсекли
саблями поганых,
а самих опутали
в путины железные.

Темно ведь было в третий день:
два солнца померкли,
оба багряные столба погасли
и с ними два молодых месяца,
Олег и Святослав,

тьмою заволоклись
и в море погрузились,
и великую смелость возбудили в хиновах.
На реке на Каяле тьма свет покрыла,
по Русской земле простерлись половцы,
 точно выводок гепардов.
Уже спустился позор на славу;
уже ударило насилие на свободу;
уже бросился див на землю.
И вот, готские красные девы
запели на берегу синего моря:
звоня русским золотом,
воспевают время Боза,
лелеют месть за Шарукана.

А мы уже, дружина, без веселья!

 Тогда великий Святослав
изронил золотое слово,
 со слезами смешанное,
 и сказал:
«О мои дети, Игорь и Всеволод!
Рано начали вы Половецкой земле
 досаждать мечами,
 а себе славы искать.
Но одолели вы без чести,
без чести ведь кровь поганую пролили.
Ваши храбрые сердца
 из крепкого булата выкованы
 и в смелости закалены.
Что же сотворили вы моей серебряной седине?»